

Кожа, нежная, словно топленое масло, покрылась тонким румянцем, а головокружительное наслаждение заставляло едва ли не терять рассудок.

Прислонившись к гладкой стенке бассейна, Ли Чаосюй прижимал к себе Лю Иина. Используя выталкивающую силу воды, он приподнимал его тело, а затем вновь тяжело опускал, проникая в самую глубокую тайну. Твердая, раскаленная плоть входила в тесный контакт с влажной, горячей слизистой, неохотно расставаясь, чтобы вновь соединиться в неистовом порыве. Эта страсть и жар были способны сжечь души дотла, превращая пыл в пот, растворяющийся в водяном пару. Не только тела — души, погребенные в самой глубине, в этом бурном ритуале плотно сплетались воедино.

Лю Иин запрокинул голову, обнажая тонкую белоснежную шею. В лунном свете на его правильном лице блуждало выражение истомы, а прозрачные глаза заволокло красной дымкой.

Прильнув к груди Ли Чаосюя, они постепенно выравнивали дыхание. Никто не проронил ни слова, лишь в тишине прислушивались к биению сердец, чувствуя покой, умиротворение и полноту счастья. Температура тел постепенно падала, но в сердцах по-прежнему было тепло.

— Лю Иин... — Ли Чаосюй погладил его по длинным волосам и тихо позвал.

— М-м? — лениво отозвался Лю Иин, положив голову на грудь Ли Чаосюю и рисуя пальцами круги на его коже.

— Когда-нибудь, когда я отрекусь от трона, давай найдем подобное место и будем жить здесь.

Лю Иин закрыл глаза:

— Не нужно.

Э? Ли Чаосюй приподнял бровь.

— Похоже, тебе здесь очень нравится.

— Сюй... — Лю Иин чуть вздохнул и поднял лицо, глядя на него. — Ты разве не понимаешь?

На его губах заиграла чарующая улыбка. Лю Иин прошептал ему на ухо — тихо, но отчетливо:

— Везде, где есть ты, для меня и есть самое спокойное место.

— Где бы ты ни был, я всегда буду рядом, если только ты сам не захочешь, чтобы я ушел! — Лю Иин озорно подмигнул.

— Лю Иин! Да как я могу этого не хотеть? Не только в этой жизни, я хочу тебя и в следующей, и через три жизни... вечно, во веки веков будь рядом со мной.

Лю Иин с улыбкой ответил и снова прижался к нему.

— Суй, завтра, встретившись с Учителем Хэ, давай вернемся в столицу.

— Я не забыл, ты все еще император Шинтана. Если ты исчезнешь надолго, во дворце наверняка начнется неразбериха. — Сказав это, Лю Иин рассмеялся.

Лунный свет мягко сливался с гладью воды в этой тихой ночи, источающей едва уловимый аромат.

\*\*\*

Глава из цикла «Записки среди цветов: Повеление сакуры, покоряющей страну» — Сцена «Возвращение журавля»

У подножия горы Луоцзя, как и прежде, раскинулась деревня среди зеленых полей. Кукареканье петухов, лай собак, дым из очагов и плетни — всё дышало безмятежностью. Деревенские жители с давних пор селились у горы, где на склонах зрели дикие плоды, а внизу лежали плодородные земли. Довольные своей долей, селяне берегли этот богом данный рай и жили в свое удовольствие. В двадцати ли от подножия располагался городок под названием Город Журавля. Хотя в нем насчитывалось лишь около двухсот дворов, через него пролегал важный путь, связывающий столицу с восточными округами, поэтому здесь круглый год былолюдно от чиновников, купцов, носильщиков и путников. Люди в городе держали винные лавки, чайные или постоянные дворы, процветая за счет проезжих торговцев.

Гора Луоцзя тянулась на сто ли: холмистая, поросшая густыми лесами, она была неприступна даже для самых опытных горцев, которые не решались заходить в ее глубину. Ближайшая к Городу Журавля вершина называлась Пик Цуйпин. Она уходила в облака, ее скалы были причудливы, а водопады походили на летящий нефрит. На склонах и вершине произрастало немало редчайших лекарственных трав. Самые смелые молодые горцы объединялись в группы и, рискуя жизнью, взбирались по крутым стенам, соседствуя с обезьянами, чтобы собрать травы на продажу в городе. Счастливчикам удавалось за один раз заработать на целый год жизни, поэтому, несмотря на смертельную опасность, ежегодно находилось немало юношей, готовых попытать удачу.

Легенда гласит, что однажды на этот пик спустился бессмертный верхом на журавле. Очарованный красотой Луоцзя, он оставил птицу в мире смертных, и та, звонко крича, превратилась в скалу. Поэтому Пик Цуйпин называют еще Пиком Журавля, а городок у подножия получил соответствующее название. Конечно, проверить истинность легенды невозможно, но слух о том, что в конце весны на пике появляются бессмертные, уже пару лет как распространился по всему Цзяннаню. С приходом весны в Город Журавля стало стекаться еще больше людей: не только торговцы, но и любопытные зеваки, желающие хоть одним

глазком взглянуть на небожителей. А если не выйдет — что ж, прогулка по горе Луоцзя сама по себе была неплохим поводом для визита.

\*\*\*

Серебряная луна взошла над горизонтом. Молодой мастер Дворца Бессветных Юн Цюань, обняв свой меч, молча сидел на вершине Пика Журавля.

Вершина была невелика — всего десяток сажений в квадрате. Из трещин в камнях пробивались два крошечных зеленых ростка. На защищенной от ветра стороне, под необычными листьями, угадывались ярко-красные плоды.

Если бессмертные и существуют, то, вероятно, их манят эти два плода, готовые вот-вот созреть. Юн Цюань остался их охранять. Хоть он никогда не видел их прежде, но, будучи молодым хозяином Дворца Бессветных, с малых лет был наслышан о чудесных свойствах этого редчайшего плода.

— И правда, точь-в-точь как в легендах, — не удержался он и протянул руку, чтобы коснуться ярких плодов под листьями. — Не думал, что удастся увидеть «Если» собственными глазами.

Луна постепенно поднялась над пиком, серебряные лучи отразились от толстого слоя снега, покрывавшего вершину, заставив его сиять ослепительным светом.

Вдруг в горном ветре послышались едва уловимые звуки.

Идут! Юн Цюань вскочил, крепко сжимая рукоять меча, затаил дыхание и уставился в сторону источника звука.

Окутанный серебристым лунным светом, подобно стреле, пролетел серебряный силуэт. Какая скорость! Ладони Юн Цюаня слегка вспотели. Даже Глава Дворца, пожалуй, не достиг такого мастерства в легкости. Неужели прибывший и вправду бессмертный?

— Э? — раздался удивленный голос из объятий серебряной фигуры. Когда Юн Цюань присмотрелся, незнакомец уже стоял перед ним.

Серебристый халат тонкой тканью хлопал на ветру. Кожа была цвета серебра, и даже длинные волосы, спадающие почти до земли, оказались того же цвета. Юн Цюань невольно отступил на два шага. Владелец серебряных волос имел глаза, холодные, как лед, лишённые всякого тепла; казалось, одного его пронзительного взгляда достаточно, чтобы убить. Но само лицо этого существа обладало неземной, немыслимой для смертных красотой. Это был не столько бессмертный, сколько небесный лис — могущественный серебряный лис.

— Ты... кто? — голос был низким и ледяным, лишённым тепла, но пугающим сильнее любой

угрозы. Пальцы Юн Цюаня задрожали.

— Опустите меня, — раздался нежный голос, подобный весеннему ветру — теплый и ласковый. Взгляд Юн Цюаня невольно переместился на руки серебряного незнакомца.

Там, тоже в серебристых одеждах, сидел человек с седыми волосами. Они не блестели природным серебром, как у первого, а скорее напоминали увядание прожитых лет. Его тонкие белые пальцы сжимали ворот халата того, кто его держал. Сереброволосый очень осторожно опустил спутника на землю. Похоже, заметив пристальный взгляд Юн Цюаня, седовласый медленно повернул голову. На мгновение Юн Цюань испытал разочарование.

Обладатель дивного, чарующего голоса, столь ценимый божественно прекрасным существом, имел самое обычное лицо. Юн Цюань, с детства привыкший к красавцам и красавицам, оценив это лицо, отнес его лишь к разряду «выше среднего». Казалось, поняв мысли юноши, седовласый слегка улыбнулся.

И вдруг всё изменилось. Будто нечто в мире сдвинулось. Тот нежный взгляд и теплая улыбка мгновенно оживили это невзрачное лицо, да так, что глаз было не отвести.

— Здравствуйте! — приветливо произнес седовласый. — Я Мо Цюйфэй, а это мой спутник — Чанчуань Кэйитиро. С кем имею честь говорить?

— Юн... Юн Цюань! — щеки юноши внезапно вспыхнули. За три года странствий он никому не называл своего настоящего имени, но сейчас оно сорвалось с губ само собой. — Юн Цюань из Дворца Бессветных.

— Красивое имя! — снова улыбнулся Мо Цюйфэй, полностью игнорируя испепеляющий взгляд Чанчуаня. — Ну что ж, Юн Цюань, что привело тебя сюда в такой поздний час?

— Я... я ищу человека, — Юн Цюань замялся, медленно убирая руку с эфеса меча. — Я ищу его уже три года.

— Дворец Бессветных — весьма таинственная и могущественная организация. Если они кого-то ищут, то должны найти довольно быстро, — кивнул Мо Цюйфэй.

— Я не просил людей из Дворца помогать. Я искал в одиночку, повсюду. Это место — моя последняя надежда. — Юн Цюань закусил губу, уголки глаз слегка покраснели.

— Вот как? — Мо Цюйфэй вздохнул. — Но здесь вершина Пика Цуйпин, здесь невозможно жить. Боюсь, твоя надежда снова не оправдается.

— Нет, — Юн Цюань вдруг просиял. — Раз я встретил вас, она непременно сбудется. Вы ведь отведете меня к ней, правда, Учитель Хэ?

Мо Цюйфэй и Чанчуань ошарашенно переглянулись, а затем синхронно уставились на радостного Юн Цюаня.

\*\*\*

По другую сторону вершины скрывалась удивительно красивая, потаенная долина. Прозрачные ручьи, низвергающиеся водопады, каменные мостики и лестницы — всё здесь казалось плодом божественного искусства. Цветы цвели, птицы пели, и казалось, что ты и впрямь попал в обитель бессмертных.

— Пришли! — Мо Цюйфэй кивнул Юн Цюаню, а затем тихо добавил: — Чанчуань, отпусти меня скорее, дети опять будут смеяться.

— Посмотрим, кто осмелится! — сердито проворчал Чанчуань, но всё же аккуратно опустил Мо Цюйфэя на землю. — Фэй, будь осторожен. — Его губы, прошептавшие это прямо у уха, игриво коснулись бледной щеки и остановились у самого уголка губ.

— Ты... не надо... — Мо Цюйфэй густо покраснел и отвернулся.

Юн Цюань застыл, сердце его бешено заколотилось. Похоже, он стал свидетелем чего-то невероятного. Его охватила легкая паника: почему она никогда не говорила, что этот Учитель Хэ и сереброволосый Чанчуань — на самом деле мужчины?

Миновав цветочную ограду, он увидел открытое пространство. На большой, явно ухоженной поляне живописно расположились несколько простых домиков. Изнутри доносился звонкий смех. Дыхание Юн Цюаня участилось, пальцы задрожали.

Мо Цюйфэй шел медленно, казалось, каждый шаг давался ему с трудом. Чанчуань Кэйитиро следовал рядом, молча поддерживая его. Раздался залиvistый смех, и чей-то силуэт молнией пронесся мимо, бросившись прямо к Мо Цюйфэю.

— Учитель! Учитель! — Чанчуань внезапно подхватил Мо Цюйфэя, и, даже не успев согнуть ноги, они оба плавно отлетели на несколько сажений назад.

— Старый хрыч, какой же ты жадный! — фигура резко затормозила и с досадой пробормотала.

— Э? А это еще кто? — перед самым лицом Юн Цюаня возникло невероятно красивое лицо, отчего он вздрогнул. — А ничего так, симпатичный. Это любовник, которого притащил Кэйитиро? — юноша весело рассмеялся и мягкой, нежной рукой игриво ущипнул Юн Цюаня за щеку. Неизвестно почему, но Юн Цюань даже не попытался уклониться.

Это был подросток лет тринадцати-четырнадцати. Несмотря на то что он носил женское платье, его слегка приоткрытая плоская грудь ясно указывала на пол. Красота юноши сильно

отличалась от красоты Чанчуаня: если тот пугал своей остротой, то от подростка исходило нечто царственное и гордое, дополненное лишь каплей кокетливой дерзости в уголках глаз.

— Синь-эр, не балуйся! — Мо Цюйфэй в объятиях Чанчуаня покачал головой с улыбкой. — Этот брат Юн Цюань пришел искать человека.

— Искать человека? Возлюбленного, что ли? — подросток по имени Синь-эр приподнял бровь и ехидно усмехнулся.

— Он ищет Хань Ин. — Мо Цюйфэй хлопнул в ладоши, и откуда ни возмись выскочили две маленькие девочки, словно выточенные из нефрита. — Цзысяо, Хун Лин, позовите госпожу Ин.

— Слушаемся! — звонко ответили девочки, бросили любопытный взгляд на Юн Цюаня и, хихикая, убежали.

— Юн Цюань, это дитя зовут Чуньсинь, ребенок моего ученика, — виновато кивнул Мо Цюйфэй. — Хоть он и немного проказлив, но очень талантлив и добр душой.

— Какой еще ребенок ученика! — возмущенно воскликнул Чуньсинь. — Дядя есть дядя, я есть я. Он твой ученик, а я тоже! Не хочу называть тебя дедушкой-учителем!

— Хм! — Чанчуань Кэйитиро рядом издал ядовитый смешок.

— Учитель, будьте осторожны. Ваша греховная связь с Чанчуанем длится уже тридцать лет, кто знает, не решит ли он однажды притащить домой молодого красивого мужчину в качестве любовника. — Чуньсинь тайком скорчил рожицу Чанчуаню.

— Я... я... — взгляд Мо Цюйфэя потускнел, он мягко высвободился из рук Чанчуаня. — У меня ведь нет никаких достоинств, если бы такой день настал, я бы... я бы...

— Заткнись! — лицо Чанчуаня потемнело, и он яростно поцеловал его, сплетаясь губами и языком, и лишь вдоволь насладившись, отпустил. Мо Цюйфэй покраснел, часто дыша, и, увидев насмешливое лицо Чуньсиня и остолбеневшего Юн Цюаня, от стыда уткнулся в грудь Чанчуаню, без конца колотя его кулаками.

— Юн Цюань? — знакомый голос заставил его мгновенно прийти в себя.

— Сестрица Лин! — радостно вскрикнув, Юн Цюань бросился в объятия подошедшей женщины. То же обычное лицо, те же живые глаза, та же теплая улыбка — та, о ком он грезил в своих снах и кого не мог забыть.

Хань Ин похлопала Юн Цюаня по плечу:

— Три года прошло, как же ты вырос!

— Вы ушли, даже не оставив записки, я так долго вас искал! — Юн Цюань не отрывал от нее глаз. — Я нашел, наконец-то я нашел! На этот раз я ни за что не позволю сестрице Линсяо уйти от меня.

— Глупыш! — Хань Ин прикрыла рот рукой, рассмеявшись. — Когда я уходила, тебе и шестнадцати не было. Если бы ты не закатывал сцены, требуя на себе жениться, я бы не была вынуждена бежать, поджав хвост, от твоего отца. Знаешь, Дворец Бессветных стал для меня тихой гаванью, которую я с таким трудом нашла, а из-за твоих выходок я даже там остаться не смогла.

— Вы думали, я шутил? — Юн Цюань выглядел обиженным. — Я всегда был искренен, тогда и сейчас. Ради вас я покинул Дворец Бессветных, три года метался по свету, надеясь вас отыскать. Вы ведь раньше говорили, что любите меня, неужели это была ложь?

— Ого, не ожидала! — Чуньсинь подошел ближе и протянул: — Тетушка Ин, не думала, что вы будете «старой коровой, жующей молодую траву»! Ха-ха-ха!

Хань Ин пнула Чуньсиня, ее лицо тоже слегка покраснело.

— Сестрица Лин действительно любит Юн Цюаня, но это совсем не та любовь...

— Не та? Чем она отличается? Я хочу всегда быть с сестрицей! — Юн Цюань был близок к слезам.

— Но ты подумал о том, что сестрица Лин старше тебя на десять лет?

— Ну и что? Мой отец старше матери на пятнадцать, и они прожили в согласии всю жизнь!

— И потом... у сестрицы был муж, и есть ребенок. — Хань Ин смутилась, услышав приглушенные смешки вокруг.

— Мне всё равно! Юн Цюань не обращает на это внимания. Прошлые сестры — это прошлое, я хочу ее будущего! Просто отдайте мне свое будущее.

— Это... — Хань Ин бросила умоляющий взгляд на молчаливого Мо Цюйфэя.

— Юн Цюань! — Мо Цюйфэй подошел и потянул его за собой. — Ты действительно так хочешь жениться на Хань Ин... вернее, на своей сестрице Линсяо?

— Да! В этой жизни я никого, кроме нее, не возьму в жены! — твердо ответил Юн Цюань.

Мо Цюйфэй обернулся к Чанчуаню.

— Хорошо. Даю тебе пять лет. Эти пять лет ты можешь жить здесь. Если по истечении срока она всё еще не согласится выйти за тебя, тебе придется уйти.

— А?! Учитель Хэ! Ну как же так! — раздался в пустой долине крик Хань Ин.

\*\*\*

Сцена «День рождения» из цикла «Генерал»

Ветер гулял по ступеням, за окном сквозь дымку пробивалась луна.

Юэ Инян, который только что лег спать, нахмурился, нащупал лежавший у подушки кинжал и, даже не вынимая его из ножен, перевернулся и приставил лезвие к горлу человека у кровати.

— Инян... — тот, кто только что подошел к постели, столкнувшись с таким приемом, когда всё задуманное еще не было исполнено, мог лишь жалобно прошептать.

Услышав этот густой, знакомый до боли голос, Юэ Инян вздохнул и опустил руку:

— Зачем ты снова сбежал сюда? — он повернулся и высек искру, чтобы зажечь огниво. Человек за спиной уже сделал шаг вперед и крепко обхватил его сзади.

— Мы молодожены, а ты из-за дел даже на аудиенцию не можешь прийти. Днем мне из дворца не выбраться, когда же еще приходить, если не сейчас? — он развернул Юэ Иняна к себе и, найдя его застывшие губы, жадно прильнул к ним в поцелуе.

Когда они отстранились, выражение лица Юэ Иняна всё еще оставалось суровым, но на щеках проступил румянец — в колеблющемся свете лампы было непонятно, от гнева это или от охватившего его желания. А тот, кто осмелился ночью проникнуть в Резиденцию генерала, был никто иной, как юный император нынешней Династии Шэн — Сыту Гунхун!

— Разве это причина, чтобы не ночевать дома и каждую ночь тайком сбежать? — днем Юэ Инян твердо решил: если Сыту Гунхун явится ночью, он не будет с ним мил, именно поэтому он и встретил его с мечом в руках. Но сейчас, видя жалкий вид Сыту Гунхуна и зная о его искренних чувствах, Юэ Инян позабыл о своем утреннем решении. Ему оставалось лишь делать вид, что он всё еще сердится.

Эти двое недавно сыграли пышную свадьбу, устроенную по прихоти императора. Впервые гомосексуальная связь императорской семьи была открыто явлена народу, что довело придворных чиновников до белого каления — многие едва не отправились на тот свет раньше времени, чтобы задать вопросы самому Нефритовому Императору. Подобный поступок императора выглядел слишком уж абсурдно и вредил государственному достоинству, поэтому, придя в себя, чиновники начали оказывать на него давление.

Сыту Гунхун, хоть и привык считать, что в мире всё должно подчиняться лишь ему, прекрасно понимал, что стабильность государства зависит от этих самых чиновников. Поэтому, когда все они подали прошение об аннулировании свадьбы, он колебался, но, увидев их гневные лица, был вынужден пойти на компромисс и временно запретить Юэ Иняну появляться при дворе, надеясь, что это сгладит напряжение.

А Сыту Гунхун начал тайком сбегать из дворца в Резиденцию генерала пять дней назад, когда ситуация немного улеглась. Измученный тоской, император не пожалел средств, чтобы подкупить дворцовую стражу, и, встретившись с Юэ Иняном, выплеснул всю свою обиду.

Юэ Инян, понимая, что император лишен даже свободы в любви, ласково его «утешил». Кто же знал, что Сыту Гунхун, распробовав сладость тайных встреч, начнет приходить каждую ночь, даже не пытаясь скрыть свои следы. Это и вывело Юэ Иняна из себя, побудив устроить сегодняшний «прием», но, увы, план снова провалился.

<http://bllate.org/book/21159/2144493>